

Сухощавый ратник, сидевший у костра, так и покатился со смеху. Он с размаху хлопнул соседа по плечу и тактично съязвил:

— Ой ли! Ты же обычно чуть что — сразу в кусты. Будь гроза и впрямь такой жуткой, разве ж ты осмелился бы сунуться? Небось забился в какое-нибудь дупло, только задница наружу и торчала!

Костер взорвался хохотом. Солдаты наперебой принялись подначивать и толкать рассказчика. Тот побагровел от злости, резко вскочил и пинком опрокинул насмешника на землю.

— Твоя пасть брешет, ублюдок! — яростно выкрикнул юнец. — При генерале-то на обходе попробуй спрячься — живо башку срубят за дезертирство! Если я хоть словом соврал, пусть небо разверзнется и меня тут же громом расшибёт!

Обидчик побряхтел, поднимаясь и отряхивая грязь с одежды. На его лице снова расплылась ухмылка:

— Ишь какой прыткий, мал, да удал! Раз уж ты не струсил, так расскажи толком, что там стряслось?

Молодой солдат презрительно хмыкнул, закатав рукава, уселся поудобнее посреди круга и начал свой цветистый рассказ:

— Вчера ведь ливень лил стеной, сами помните. Генерал сказал, что река прибывает, плотину вот-вот размочит, и погнал нас укреплять берег. А Эргоу-то наш в детстве чуть не утонул, воды боится до полусмерти. Вцепился в колышек у самого обрыва, ревёт, голосит — аж душа в пятки ушла. Десятник плюнул и велел мне увести дурня в лагерь, а вместо него позвать Теданя из Чжанской деревни. Дождь хлещет, темень — хоть глаз выколи, факелы не зажечь. Кое-как, спотыкаясь на каждом шагу, притащил я Эргоу к палаткам. Сам решил перевести дух, погреться малость, а уж потом кликнул Теданя и потащил обратно к плотине. И тут как бабахнет! Небо аж побелело всё.

— Да кому сдалась твоя волынка, ты к делу переходи! — не выдержал поваленный ранее сухощавый ратник.

Молодой солдат с досадой толкнул его в плечо:

— Пшёл вон! Да завали ты хлебало! Не порть историю, я как раз к самому важному подобрался. Куда торопишься, твою мать, на тот свет опаздываешь?

Он поправил ворот куртки, выждал театральную паузу и продолжил вкрадчивым голосом:

— Бежим мы, значит, запыхались оба. Вдруг слышим — лагерные псы завывали. Да так жутко, надрывно, что у нас аж поджилки затряслись. Тут прямо перед нами из темноты вырос огромный чёрный силуэт и с размаху сбил нас с ног! Мы-то, грешным делом, подумали — злой дух из чащи выскочил. А это оказался наш Шэнцзи: весь в грязище, раненый, на ногах едва держится. Ну, мы поржали, поднялись, ухватили его под руки и поволокли назад к плотине — хрен ему, а не отдых. И вот подходим мы к лагерю, как вдруг Шэнцзи ка-а-ак заорёт! Тычет

пальцем в небо, сам трясётся весь, и ни слова вымолвить не может. Я смекаю: дело нечисто. Шэнцзи у нас парень не из пугливых, а тут колотится так, будто сейчас на колени брякнется. Ну и я голову задрал.

Рассказчик покачал головой, в его глазах промелькнул неподдельный страх, а голос натянулся, точно тетива.

— Посмотрел — и у самого ноги подкосились, — прошептал он. — На иссиня-чёрном небе, прямо посреди набрякших багрово-фиолетовых туч, раздался странный треск. Не такой, как при обычном громе, а сухой, яростный. И тут фиолетовая молния полоснула через весь небосвод, расколов его надвое. Тучи будто мечом рассекло. Эта молния, извиваясь огненным драконом, резко вильнула и устремилась прямо к плотине!

Он сглотнул слюну, заново переживая тот кошмар. Сжав кулаки до побеления костяшек, парень перевёл дух:

— Мы обмерли. Думали, всё, сейчас нас в пепел испепелит. Но тут из вышины сорвалась вторая молния — ослепительно-золотая! Она врезалась в фиолетовую, перехватив её прямо на лету. Две огненные стрелы сплелись в клубок, рухнули к воде, взбивая клубы тумана и пара. На наших глазах они обернулись гигантскими драконами, закружились в безумном вихре над самой рекой и грозно взревели!

— А потом грохнуло так, что уши заложило. Мы повалились в грязь и давай биться лбами, вымаливая пощаду у духов. Когда опомнились и открыли глаза, вековое дерево у плотины — то самое, которому несколько сотен лет — стояло расщеплённым надвое. И крона его полыхала ярким пламенем прямо под проливным дождём.

— Жуть несусветная, — закончил парень, шумно выдохнув.

Страх на его лице постепенно сменился заговорщическим выражением. Он понизил голос до таинственного полусшёпота:

— Но самое странное знаете что? Когда буря утихла и мы пошли расчищать завалы у плотины, прямо на том месте, куда ударили пасти золотого и фиолетового драконов, мы нашли двоих! Как только генерал прослышал об этом, сразу велел забрать их к себе в шатёр.

Другой солдат резко поднялся с бревна:

— Слышь, ты про того изнеженного юнца, что ли? Который младенца к груди прижимал?

Молодой рассказчик закивал как заведённый:

— Ну да, про него! Боги мои, знали бы вы, как мы перетрусили! В этакой глуши — и вдруг холёный, писанный красавец. Мы сперва решили, что это небожитель сошёл на землю или речной оборотень прикинулся человеком. А когда коснулись его — поверите ли? — пелёнки на младенце сухими оказались! Тут мы опять на колени рухнули, пощады просить. Но когда доложили генералу, тот прислал лекаря. Выяснилось, что это обычные люди, которых

течением принесло.

Слушатели снова разразились похабным хохотом. Кто-то шутливо пихнул рассказчика в бок:

— Ну и каков из себя этот речной небожитель? Небось полапали его тайком, пока тёпленький был?

Юноша густо покраснел и огрызнулся:

— Сдурел? Он же мужик! Чего там лапать?

Окружающие загоготали ещё пуще:

— А чем мужик плох? Вон, наш ван души не чает в господине Лунъяне, а уж тот толк в уладах знает! Ха-ха-ха!

Цинь Цзычу, вышедший прогуляться с сыном на руках, случайно набрёл на этот привал. Услышав, что речь зашла о нём самом, он не удержался и спрятался за толстым стволом вяза, прижав к себе Ин Чжэна. Он-то думал, что солдаты просто чешут языки, а оно вон как обернулось...

«Ай да господин Лунъян! Истинно — мой кумир! Даже спасение из реки у него обставлено спецэффектами похлеще голливудского блокбастера!»

Губы Цзычу невольно дрогнули в улыбке. Он опустил взгляд на маленького А-Чжэна и внезапно замер, натолкнувшись на ответный взор младенца.

Личико мальчика, как всегда, оставалось бесстрастным, однако в бездонных тёмных глазах застыла глухая, ледяная ярость, от которой пробирало до костей. Цзычу похолодел. Опасаясь, что А-Чжэн расплачется и выдаст их присутствие, он осторожно прижал палец к его крошечным губам, призывая к молчанию, и бесшумно заскользил прочь от костра.

Вернувшись в шатёр, Цзычу бережно развернул пелёнки. Он тщательно ощупал Ин Чжэна с головы до крохотных пальчиков на ногах, не обделив вниманием и мягкую попку.

— Попка-то холодная, — озабоченно пробормотал он. — Неужели простудился? А-Чжэн, у тебя поэтому лицо такое хмурое? Но младенцам ведь нельзя давать лекарства...

Цзычу нахмурился, в растерянности разглядывая сына. Малышу нет и полугода, прикорм вводить рано. Но даже если бы и можно было — разве заставишь кроху проглотить горький, злавонный отвар китайских трав?

«Постойте...»

Мысль вспыхнула внезапно. Цзычу замер. Он ведь ни разу не видел, чтобы будущий великий император проливал слёзы. Его взгляд, устремлённый на А-Чжэна, сделался на редкость заговорщическим.

«Жизнь без созерцания плачущего грозного владыки в подгузниках определённо лишена полноты. Надо бы заставить его хоть разок пустить слезу».

Цзычу уложил Ин Чжэна животиком на свои колени и занёс ладонь над его беззащитным мягким задом. Он примерился раз, другой, помахал рукой в воздухе... и с тяжёлым вздохом опустил её.

Рука не поднималась. Как можно шлёпнуть будущего покорителя Поднебесной?

«И как только у повитухи Чжао Сун-ши пальцы не отсохли, когда она принимала роды? Поистине, женское коварство не знает границ!»

Ин Чжэн лежал на чужих бедрах, не делая ни малейшей попытки пошевелиться. Он прекрасно понимал отношение Цзычу к себе. От этого человека веяло удивительной мягкостью и теплом; в его ауре не было ни капли угрозы или жажды крови. Каким бы суровым правителем ни был Ин Чжэн в прошлой жизни, как бы ни закалила его душу война, перед этой обезоруживающей нежностью его ледяная броня давала трещину за трещиной.

Одно оставалось загадкой: зачем этот безумец раздел его донага, уложил на брюхо и теперь машет ладонью над его спиной, нагоняя прохладу?

Прежде чем мальчик успел додумать эту мысль, тёплая ладонь Цзычу ласково погладила его по спине. Мужчина склонился и коснулся губами его затылка, оставив невесомый поцелуй прямо на родинке в форме драконьей чешуи.

— Как жаль, что ты у меня такой суровый и совсем не плачешь, — тихо вздохнул Цзычу.

Сердце Ин Чжэна дрогнуло. К неловкости примешалось глухое раздражение. Поведение Цзычу раз за разом разрушало все его логические выводы. Хуже всего было то, что собственная решимость таяла под натиском этой заботы.

Версию о перерождении ничтожного труса Ин Ижэня он отбросил уже давно. Одно время Ин Чжэн полагал, что телом его отца завладел какой-то хитрый лесной дух или демон. Но мог ли демон столь искренне сокрушаться о том, что не застал младенческих слёз своего названного сына?

«Кто же ты такой на самом деле, господин Цзычу? — билась в сознании владыки навязчивая мысль. — Рано или поздно я докопаюсь до истины».

Ледяная речная вода, в которой они провели полночи, давала о себе знать. Несмотря на то, что Цзычу чувствовал себя сносно и даже нашёл силы прогуляться, усталость навалилась с новой силой.

Помассировав затекшие плечи, он мягко коснулся кончиком пальца переносицы младенца:

— Маленький разбойник, ради твоего спасения я всю ночь грёб без ума. Руки теперь отваливаются, ни поднять, ни согнуть. Будь хорошим мальчиком, дай мне вздремнуть. А вечером мы с тобой поиграем.

С этими словами он торопливо сбросил тяжёлые верхние одежды. Оставшись в одних исподних штанах, Цзычу бережно прижал Ин Чжэна к своей обнажённой груди, укутал их обоих одеялом и закрыл глаза.

Прошло всего несколько минут, и из его груди вырвалось ровное, глубокое дыхание — он уснул.

Ин Чжэн осторожно повернулся в кольцо его рук. Мужчина во сне шевельнулся, инстинктивно ослабив хватку и переложив младенца так, чтобы тому было удобнее лежать на мягком плече.

В полумраке походного шатра двойные зрачки будущего императора блеснули загадочным, потусторонним светом. Как бы ни распорядилась судьба, он никогда не сможет признать в этом странном человеке своего отца.

<http://bllate.org/book/18277/1750303>